

Елизавета Захарова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В ОТНОШЕНИИ ПОДРОСТКОВОГО СЕКСУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ СМИ

В XX в. многие европейские страны и США актуализировали вопросы подросткового сексуального образования и запустили реализацию специальных программ обучения в общеобразовательной системе, а международные организации (ЮНИСЕФ, ВОЗ, ЮНФПА) стали декларировать необходимость соблюдения сексуальных прав. В России сексуальное образование нельзя назвать институционализированным: с началом консервативного поворота этот процесс остановлен. В статье представлены репрезентированные в СМИ позиции разных социальных институтов на основе контент-анализа 172 статей. Дискурс психологического профессионального сообщества представлен через вопросы о «правильных» гендерных ролях и неподготовленности кадров. Установки представителей государства показаны в СМИ как выражение опасения и требование учета специфики российской культуры. Позиции директоров школ и учителей представлены в публичном поле через их неготовность к дополнительной нагрузке и требование выстраивать доверие между подростками и взрослыми в контексте реализации сексуального образования. Репрезентация семейного дискурса задается несколькими позициями: потребностью в специалистах и неуверенностью в своих знаниях, обеспокоенностью тем, что подростки сталкиваются с непроверенной информацией в интернете, а также страхом столкнуться с пропагандой раннего сексуального дебюта. Родительские комитеты в публичном поле представлены, с одной стороны, как борющиеся против программ сексуального образования и, с другой стороны, как рассматривающие такое образование как инструмент продвижения ценностей воздержания и воспитания нравственности. Дискурс церкви

Елизавета Кирилловна Захарова – аспирантка, Факультет социальных наук, Департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: ekzakharova@hse.ru

задается представлениями о «нормальной сексуальности», противопоставлении российских ценностей западным и продвижением нравственных и семейных ценностей. Репрезентация установок педагогического сообщества показывает и обеспокоенность организацией и содержанием программ сексуального образования, и фокусирование на угрозах нарушения личностного развития, разрушения традиционных ценностей. В результате то, как представлены в СМИ позиции разных социальных институтов, может указывать на существование дискурсивных противоречий внутри институтов семьи, церкви, психологического и педагогического сообществ, сообществе родительских комитетов. Репрезентируемые в публичном поле установки иллюстрируют, как формируются дискурсы отрицания и одобрения относительно вопросов о сексуальном образовании подростков, а также показывают разнообразие позиций, не сводимых к двум гомогенным противоборствующим полюсам.

Ключевые слова: сексуальное образование, медиа-дискурс, контент-анализ

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-293-310

Государство как политический институт реализует разные инициативы в области семейной политики и прав ребенка и одновременно создает препятствия для институционализации международных принципов сексуального образования. Практическое воплощение просвещения подростков в области сексуальности находится в состоянии стагнации на фоне активной пронаталистской демографической политики государства. И хотя в современных социальных науках признается разделение сфер сексуальности и воспроизводства (Тартаковская 1995), политические институты в России, захватившие контроль над сексуальным, не поддерживают этого разделения (Атемасов 2011: 87). Это выражается через ряд законодательных нововведений. Например, «Концепция семейной политики до 2025 года» (Распоряжение Правительства... 2014) направлена на сохранение «традиционных семейных ценностей», а закон «О защите детей от информации, причиняющий вред их здоровью и развитию» (ФЗ 2010) и включенный в него в 2013 г. запрет «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» существенно ограничивают возможности для сексуального образования подростков. Все это может указывать на то, что государство берет на себя функции регулирования вопросов сексуальной жизни населения, однако выполняет их дисфункционально: блокируя каналы трансляции современного знания и репрезентируя сексуальность только как инструмент воспроизводства. Иными словами, происходит «обратный гендерный переход, характеризующийся усилением патриархального гендерного порядка» (Калабихина 2011: 44).

Кроме роли государства необходимо описать и другие конкурирующие с ним социальные институты. Семья и школа, являясь важнейшими агентами социализации, также претендуют на контроль знаний о подростковой

сексуальности. Российская школа нормативно и фактически следует воле политических институтов: здесь доминируют идеи об отсутствии необходимости сексуального образования подростков и о запрете на трансляцию таких знаний кем-то вне семьи (Журавлева 2004: 135). Семья также уходит от ответственности распространения знаний: между родителями и детьми сохраняется дистанция в вопросах сексуальности, родители ощущают свою некомпетентность, стыд, неготовность общаться с детьми откровенно (Травкова 2018: 18). В современном обществе «родительское участие в таких вопросах сокращается в противовес прежнему укладу», который не просто позволял, а убедительно требовал «влезать» во все сферы жизнедеятельности ребенка (Бауман 2002: 292). Такая дистанция способствует воспроизводству в институте семьи негативных установок в отношении сексуального образования как о целенаправленной трансляции знаний, которые могут травмировать детей, нарушить их нормальное развитие и спровоцировать раннюю сексуальную активность.

Описываемой выше картине противоречат результаты соцопросов. По данным ВЦИОМ (2018, см. рис. 1 в электронном приложении) большая часть российского общества выступает за половое воспитание молодежи. Различие состоит лишь в расстановке акцентов: если в конце советского периода приоритетными темами являлись нравственность и ответственность, то данные за 2014 и 2018 гг. демонстрируют рост общественного интереса к темам, связанным с профилактикой венерических заболеваний и беременности, с заботой о здоровье и с будущей семейной жизнью. Как было отмечено ранее, политические институты в России оказывают влияние на все сферы жизни общества, и попытки реализовать сексуальное образование в стране неизбежно сталкиваются с консервативными силами и гендерным неотрадиционализмом (Здравомыслова, Темкина 2003). Когда в 1994 г. была предпринята попытка внедрить в школьную программу половое просвещение – экспериментальную федеральную программу «Дети России» (Указ Президента РФ 1994), проект встретил бурную критику со стороны консервативной части российского общества и СМИ, и в 1996 г. был закрыт (Sharipo 2001; Gevorgyan et al. 2011: 215; Lipton 2014: 25). В современном обществе заметную роль играет наследие советского полового просвещения, выражающееся в патриархальном настрое и стереотипном восприятии сексуальности (Омельченко 2000: 163), а патриархальный гендерный порядок усиливает циркуляцию этих стереотипов.

Вышеописанный пример несостоявшейся программы показывает, как попытка либерализации сферы сексуального образования подростков столкнулась с укрепляемым десятилетиями патриархальным и консервативным стержнем российского общества. Этот сюжет является аргументом в пользу необходимости понять, как между собой взаимодействуют общественные и политические институты в поле публичного дискурса о сексуальности. Признавая, что сведение российского публичного дискурса

к противопоставлению двух позиций («просвещенной рациональности» и «темной иррациональности») является сильным упрощением (Meulakhs 2011: 247; Sosio 2021: 11), мы поставили следующие исследовательские вопросы. Как репрезентируются дискурсы о сексуальном образовании внутри социальных институтов? И какие противоречия существуют между этими репрезентируемыми дискурсами?

Власть над сексуальностью: теоретические подходы и общественные конвенции

Сексуальная, гендерная и семейная революции второй половины XX в. существенно изменили как сексуальную культуру, так и ход осмысления сексуальной повседневности (Кон 2009: 95). Сексуальность отделяется от вопросов репродуктивного здоровья и становится самостоятельным объектом изучения (Miller 2000; Parker et al. 2004; Parker 2009). Кроме того, индивидуализация человека в обществе способствует появлению нового дискурса о телесности.

Одной из ключевых работ, предваривших развитие разговора о сексуальности и становление современного взгляда на эту тему, стала книга *Sexual Politics*, написанная радикальной феминисткой Кейт Миллетт в 1970 г. (Millett 2016). Концепт «сексуальной политики» тесно связан с теми процессами и изменениями, которые происходили в культуре западного общества во время второй волны феминистского движения. Общественные дебаты об этой книге привели к пониманию того, насколько сексуальное угнетение и гендерная дискриминация глубоко укоренены в социальной и политической структуре общества, того, насколько сексуальность является политизированной, что становится толчком для написания большого количества работ другими исследователями, осмысляющими эти проблемы (см. например, Connell, Dowsett 1992; Haug 1999; Parker et al. 2000; Herdt 2004). Так, сексуальность, телесность, взаимосвязь между интимной жизнью человека, социальным порядком и властью проблематизируются и становятся видимыми в исследовательском поле. Важным становится тезис о том, что нормативная сексуальность задается общественными представлениями о ней (DeLamater 1987; Sprecher et al. 2008), а психологический комфорт в отношении личной сексуальности является системной социальной проблемой, которую необходимо решать практически.

Помимо этого, актуализация темы сексуальности задается ростом внимания к проблемам, связанным с репродуктивным здоровьем и сексуальным поведением. Общественные науки, медицина, общественные движения, в том числе феминистские, направляют фокус своего внимания на осмысление вопросов безопасности и ответственности в сфере сексуальности, в результате чего начинает складываться консенсус о необходимости современных знаний о сексуальности (Schaalma 2004; Singh 2005)

и их передачи молодому поколению. Основополагающими становятся процессы политической рефлексии о важности и необходимости сексуального образования подростков (De Luca Barrusse, Praz 2015).

Все эти процессы создали основу для выработки конвенциональных знаний о подростковой сексуальности, зафиксированных в документах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Международной федерации планирования семьи (МФПС), Всемирной ассоциации сексуального здоровья (ВАС), Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА). Объединяющий и главный тезис для всех них – поддержание сексуального здоровья является центральным звеном достижения счастья и благополучия (Кон 2009:96). Согласно Инициативе в области сексуальных прав ООН (Sexual... 2006), сексуальные права человека декларируются как базовые и затрагивают широкий перечень вопросов, пересекаются с другими правами: от репродуктивных и прав на половое воспитание до прав на свободу от насилия и дискриминации. Таким образом, международные организации, такие как ЮНИСЕФ, ВОЗ, ЮНФПА и другие сыграли и продолжают играть огромную роль в процессе глобальной институционализации сексуального образования, разрабатывая социально-педагогические инициативы и декларируя принципы сексуального просвещения, основанные на правах человека (UNESCO 2018; WHO Europe 2010). Большое внимание уделяется и молодежи, и подросткам, как будущему поколению, которое сможет не только более качественно и безопасно жить, но и воспроизводить и передавать достоверные знания. На сегодняшний день многие страны вовлечены в развитие сексуального образования подростков и имеют наработанный опыт, чему посвящено множество исследований (Fields 2008; Buston et al. 2010). Однако следует признать, что до сих пор в разных странах существуют разногласия в представлениях о том, что такое сексуальное образование и что оно должно в себя включать (Kendall 2012).

В России, как подчеркивает Игорь Кон (2009: 95), на фоне «либерализации сексуальных практик» стала очевидна сексуальная безграмотность общества, которая стимулировала рост проблем в сфере здоровья: нежелательные беременности, ЗППП, ВИЧ, аборт и т.д. В силу исторических и социальных особенностей сексуальное образование в российском обществе нельзя назвать институционализированным, поскольку эти знания не транслируются централизованно в школах или в других организациях, нет образовательной программы, нет центров или органов, которые занимаются этим вопросом (Кузьмина 2020). Становление института сексуального образования, развитие общественного разговора о сексуальности было практически остановлено с началом консервативного поворота в государственной идеологии (Здравомыслова 2016: 219). Политические деятели и консервативная часть родителей и родительских комитетов интенсивно выступают против сексуального образования, поскольку воспринимают международные права ребенка как угрозу устойчивости

детско-родительских отношений и «традиционного» уклада жизни в России (Fábíán, Bekiesza-Korolczuk 2017: 46). Сравнивая родительские движения в восточной Европе и в России, Каталин Фабиан и Эльжбета Корольчук описывают, как консервативные группы родителей выступают против законодательных и дискурсивных изменений в области гендерного равенства и сексуального образования (Ibid). Эта позиция родителей-активистов согласуется с законодательными ограничениями на трансляцию знаний о сексуальности несовершеннолетним (например, ФЗ 2010). И все же в современной России, несмотря на институциональное замалчивание, знания и установки в отношении сексуальности воспроизводятся и передаются.

В концепции биополитики Мишеля Фуко сексуальность, с одной стороны, является культурным феноменом, а с другой – объектом власти, которая стремится к контролю над репродуктивными процессами и знаниями о них (Фуко 2011). При этом контроль над сексуальностью, жизненными процессами, индивидуальными и социальными телами производится не только государством, но и другими институтами, вступающими в борьбу за власть. В структурно-конструктивистском подходе к анализу гендерных отношений Рэйвин Коннелл, развивая концепцию биовласти Фуко, говорит о тесной связи между современными формами знания и формами социального контроля (Connell 2013: 98). Гендерный порядок, являющийся центральной категорией в изучении того, как структурно устроены гендерные отношения, отражает сложившиеся паттерны властных отношений гендера и имеет различные воплощения в разных социальных практиках (Ibid). Власть над сексуальностью осуществляется через закрепление определенного гендерного порядка через социальные институты (государство, церковь, семья, школа), которые претендуют на такую власть. Разнообразие или гомогенность гендерных порядков зависит от того, насколько одинаковы практики, воспроизводимые в тех или иных институтах. Поэтому социальные институты могут производить и устанавливать разные гендерные порядки, или гендерные режимы (Connell 2013: 99). Сексуальное образование является сферой знаний о подростковой сексуальности, а значит и объектом знания, за власть над которым борются различные социальные институты с различными гендерными порядками. А дискуссии о сексуальном образовании подростков являются следствием противоречий гендерных режимов, установленных разными социальными институтами, конкурирующими за власть над сексуальностью. Таким образом, процессы институционализации сексуального образования могут быть изучены через рассмотрение устройства действующих социальных институтов, конкурирующих за власть над знанием о подростковой сексуальности, того, какие дискурсы выстраиваются в результате такой конкуренции, и как они сталкиваются между собой.

Данные и методология

Данные для анализа отбирались с помощью поисковой системы Медиалогия, которая предоставляет наиболее широкий выбор СМИ, включая негосударственные. Критериями отбора послужили следующие характеристики: дата публикации – с 01.01.2000 г. по 17.12.2021 г., уровень СМИ – федеральный, категории СМИ – газеты, журналы, интернет, информагентства, радио, ключевые слова – как минимум три раза в статье упоминаются словосочетания «сексуальное образование» или «сексуальное воспитание» или «половое воспитание» (см. рис. 2 в электронном приложении). С учетом соблюдения этих критериев было отобрано 530 статей. Из общего массива отбирались те статьи, в которых (по субъективной оценке) можно реконструировать установки разных социальных институтов в публичном пространстве. Далее исключены статьи, касавшиеся обзора событий о половом воспитании вне РФ, анонсы и обзоры сериала «Половое воспитание», авторские статьи без указания рода деятельности автора и без ссылок на сторонние мнения. Итоговая база для анализа составила 172 статьи, текст которых позволял идентифицировать, установки каких социальных институтов о половом воспитании подростков продемонстрированы.

Таблица 1

Кодировочный лист

<i>Категории</i>	<i>Коды</i>
Психологическое профессиональное сообщество	Сексолог, психолог, детский психолог
Государство	Детский омбудсмен, депутат, председатель комитета Госдумы, председатель Правления Общественного Комитета по правам человека
Семья	Мать, мама, родители, семья
Медицина	Педиатр, врач, главврач, акушер
Церковь	Протоиерей, батюшка, отец, руководитель информационно-просветительского отдела Кемеровского епархиального управления, православный активист, член церковно-общественного совета, ректор православной гимназии
Сообщество родительских комитетов	Глава родительского комитета, член родительского комитета
Педагогическое профессиональное сообщество	Академик РАН, педагог, кандидат педагогических наук
Школа	Учитель, учительница, директор школы, классный руководитель
Блогеры	Автор/ка популярного канала, блогер/ка, инфлюенсер/ка

Качественный контент-анализ собранных текстов реализован в соответствии с подходом Маргарет Шреер (Савинская 2023). На первом этапе проведено пробное кодирование 30 статей с наибольшим значением «заметности» (критерий, разработанный поисковым сервисом Медиалогия, см. mlg.ru). Предполагалось, что анализ позволит выделить следующие категории: установки государственных представителей, установки церкви, установки школы, установки семьи. Фиксировалось, через какие коды можно идентифицировать разных социальных акторов, выражающих свою позицию в отношении сексуального образования. Исходя из доступных характеристик в публикациях принималось решение, установки какого социального института транслируются. Например, православный деятель транслирует установки церкви, родители – семьи, учителя – установки школы. В результате пробное кодирование позволило уточнить изначальные категории, а также найти новые – соответствующие установкам других социальных институтов: психологического профессионального сообщества, педагогического профессионального сообщества, медицины, сообщества родительских комитетов, а также блогеров.

Далее анализ всех отобранных публикаций с помощью кодирования позволил выявить наличие противоречий внутри дискурсов социальных институтов, поэтому отдельно фиксировались негативные и позитивные коннотации в отношении исследуемого предмета. В дополнение проведен количественный анализ для оценки того, насколько интенсивно «голоса» разных социальных институтов появляются в публичном поле.

Динамика актуальности

График электронного приложения (см. рис. 3) иллюстрирует, как менялось количество публикаций о сексуальном образовании по годам. Резкий рост внимания СМИ к теме полового просвещения появляется в 2013 г., что может быть связано с подписанием и вступлением в силу Конвенции Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия», в которую включен пункт о половом просвещении подростков. До этого момента все анализируемые публикации выстроены вокруг рефлексии о необходимости сексуального воспитания в школе, опыте советского прошлого и 1990-х гг.: о несостоявшихся программах «при Ельцине», об образовании в СССР, о европейском опыте. После 2014 г. актуальность темы растет, несмотря на произошедший «консервативный поворот». Количество публикаций растет скачкообразно. К обсуждению сексуального образования подростков подключается все больше изданий, появляются новые жанры дискуссии: современное кино и сериалы, низовые просветительские движения, российская и зарубежная публицистика, голос учителей. С 2018 г. публичный разговор о половом воспитании набирает обороты. Во многом это связано с выходом сериала

Sex Education, которому в СМИ уделялось большое внимание. Популярность этого сериала задала новый импульс к осмыслению необходимости сексуального образования подростков.

«Голоса» социальных институтов

Анализ публикаций позволил увидеть, как репрезентируются установки разных социальных институтов в СМИ. Чаще всего в публичном пространстве слышны голоса представителей социальных и психологических наук, государства (см. табл. 2 электронного приложения), причем особенно заметными они стали только после 2013 г. Вдвое реже встречались высказывания институтов семьи и медицины, но они в целом равномерно распределены в динамике по годам. Еще реже, но также равномерно встречаются высказывания институтов церкви, общественных организаций и педагогов. Школа, которую сексуальное образование подростков касается напрямую, представлена в публичном дискурсе мало. Рассмотрим подробнее систематизацию установок, репрезентируемых в публичном поле (табл. 3 электронного приложения).

Психологическое сообщество:

гендерные роли и неподготовленность кадров

Представители психологического профессионального сообщества формируют два противоположных дискурса вокруг вопроса о сексуальном образовании подростков в публичном поле. Одни репрезентируемые установки указывают на то, что специалисты опасаются пагубного влияния знаний о сексуальности на школьников, а именно нарушения традиционного гендерного порядка. По их мнению, программы полового воспитания должны способствовать «формированию правильных половых ролей» (Взгляд.ру 2012; Радио Комсомольская правда 2011¹). Другой дискурс сфокусирован вокруг проблемы неподготовленности кадров, рефлексии о прошлом опыте полового воспитания подростков в советский период и в 1990-е гг. Подчеркивается ответственность государства за отсутствие программ сексуального образования, поскольку «тема табуирована сверху» (Взгляд.ру 2012; Эхо Москвы 2013).

Государство: опасение и специфика российской культуры

В репрезентируемом дискурсе государственных деятелей фокус удерживается на необходимости решать вопрос о половом воспитании подростков релевантно специфике российской культуры, адаптации такого образования в соответствии с внутренними российскими запросами и особенностями, необходимости учитывать требования других социальных акторов: родителей, педагогов, медиков. В противовес рассуждениям об адаптации сексуального

¹ Полный список СМИ автор готов предоставить по запросу.

образования в российском обществе встречаются и опасения: программа воспринимается как «пропаганда разврата», «официальное одобрение школьной ранней половой жизни» и «индальгенция на беспорядочные связи» (РБК Daily 2006; Трибуна Общественной палаты 2013).

Школа: выстраивание доверия

Директора школ и учителя обращают внимание на то, что в сексуальном образовании подростков доверие является незаменимым фактором при трансляции знаний о сексуальности. Помимо этого, они обсуждают вопросы о содержании и организации обучающих программ. Важное место занимает тезис о необходимости избежать лишней учебной нагрузки и стремиться интегрировать нужные темы в другие школьные предметы. В процесс сексуального воспитания предлагается вовлекать не только школу, но и медицинских специалистов и родителей. Наконец, в некоторых публичных высказываниях представителей школы отмечается важность учета запросов учеников школ (Комсомольская правда 2011; Филантроп 2012; Эхо Москвы 2013).

Семья: пропаганда разврата и потребность в специалистах

Институт семьи репрезентируется через противоборство дискурсов о половом воспитании подростков. С одной стороны, транслируется образ родителей как противников «секс-ликбеза, куда более уместного для публичного дома», поскольку сексуальное просвещение с этой точки зрения направлено на пропаганду ранней половой жизни, «разврата» (Советская Россия 2003; Родная газета 2004). Нередко в публичном пространстве освещаются судебные разбирательства, которые инициируют родители, возмущенные уроками на тему тела и сексуальности в школе или книгами для подростков на те же темы (Взгляд.ру 2012). Формируется дискурс о недопустимости транслировать детям «информацию сексуального характера», особенно – вне семьи (Комсомольская правда 2011). С другой стороны, можно говорить и о дискурсе одобрения передачи знаний о сексуальности. Родители в публичном поле демонстрируют поддержку сексуального образования, если оно будет реализовываться квалифицированными специалистами, а также опасаются интернета как «источника непроверенной информации» (Эхо Москвы 2013). Родители демонстрируют неуверенность в своих знаниях и сомнение в комфортности для своих детей обсуждать чувствительные темы внутри семьи.

Родительские комитеты: таинство и воздержание

В публичный разговор о сексуальном образовании подростков вовлекаются не только родители, но и такие общественные организации, как родительские комитеты. Репрезентации их установок указывают на наличие двух векторов. С одной стороны, транслируется категорическое

противостояние секспросвету, отстаивается право семьи на управление доступом подростков к знаниям о сексуальности, а также ими формируется мнение, что сексуальность является таинством, и эта тема не для обсуждения с детьми и подростками (РБК Daily 2006; Взгляд.ру 2012; Радио Комсомольская правда 2013). С другой стороны, в публичном поле общественными организациями половое просвещение поддерживается, но через продвижение необходимости воспитания нравственности и ценностей воздержания до брака (Радио Комсомольская правда 2013).

Медицина: здоровье молодого поколения

Представители медицинской сферы формируют дискурс о половом воспитании подростков через проблемы репродуктивного здоровья и распространения заболеваний. Фокус направлен на тему здоровья подрастающего и будущего поколений, репрезентируются установки о важности знаний о теле. Право на трансляцию знаний передается школе, однако сами медики готовы включаться в образовательный процесс как эксперты (Комсомольская правда 2001; Независимая газета 2010; Комсомольская правда 2011).

Церковь: нормальная сексуальность и нравственность

В дискурс, который формируется представителями православной церкви в публичном поле, вплетено представление о «нормальной сексуальности», которая противопоставляется «гомосексуализму, зоофилии, инцесту и другим извращениям». «Нормальная сексуальность» в видении церкви выражается в исполнении репродуктивной функции (NTV.ru 2005). Помимо этого, заметное место внутри этого дискурса занимают установки о необходимости отделять российские ценности от западных: последние воспринимаются представителями церкви как угроза, а работа международных организаций – как заговор по «сокращению численности населения» (Русский вестник 2003; Религия и СМИ 2007; Православный портал «Москва – Третий Рим» 2013). Далее эта дискурсивная рамка разделяется на два направления: противостояние идеям сексуального образования подростков или использование таких программ только для продвижения нравственных и семейных ценностей, исключая темы, связанные с телом и телесностью (Религия и СМИ 2007).

Педагогическое сообщество: угроза личностному развитию и вопрос об организации

Внутри педагогического профессионального сообщества существует явно очерченное дискурсивное противостояние тех, кто «за» и тех, кто «против». Дискурс отрицания необходимости в сексуальном образовании подростков выстроен вокруг угрозы разрушения традиционных ценностей и нарушения личностного развития (Взгляд.ру 2012). Дискурс одобрения развития таких программ в школе сфокусирован на вопросах о логике

преподавания и на важности передачи знаний о межличностном взаимодействии. Формируется позиция о том, что сексуальная безграмотность является причиной «циркулирования нелепых слухов» и подростковых беременностей (Комсомольская правда 2001; NTV.ru 2005; РБК Daily 2006; Взгляд.ру 2012; Эхо Москвы 2013).

Заключение

Качественный контент-анализ публикаций СМИ позволил выявить, представители каких социальных институтов в России участвуют в дискуссии о подростковой сексуальности и сексуальном образовании, и реконструировать их установки. В формировании публичного дискурса участвуют не только семья, церковь, школа и государство, но и представители разных профессиональных сообществ: медики, психологи, педагоги. Выявлены дискурсивные противоречия внутри институтов семьи, церкви, психологического и педагогического сообществ, сообществе родительских комитетов. Подтверждается тезис о том, что социальные институты могут внутри себя конструировать разные гендерные режимы посредством дискурсов отрицания и одобрения. Дискурс одобрения не является по своей сути гомогенным: внутри разных социальных институтов видение того, какие ценности и вопросы нужно продвигать в рамках полового воспитания, различаются. Например, если позиции церкви и родительских комитетов представлены как сторонники продвижения через половое воспитание нравственных и семейных ценностей, идей воздержания и целомудрия, то позиция родителей формирует риторику о важности знаний в сфере сексуальности, распространении достоверной и исчерпывающей информации разными специалистами.

Реконструированные противоречия нельзя назвать дискурсивной борьбой, поскольку в российском обществе именно политические институты оставляют за собой право на разворачивание институциональных изменений. Публичный дискурс пронизан множеством позиций и взглядов, которые являются предметом дискуссии, но не обладают реальной политической силой. Однако именно эта многослойность общественного взгляда на тему сексуальности дает повод полагать, что российское общество не гомогенно в своей традиционности. Восприятие подростковой сексуальности задается одновременно через разные оптики и отражает разные требования: от медицинских до нравственных.

С одной стороны, анализ традиционных СМИ позволяет увидеть многообразие оптик восприятия и многообразие акторов, вовлеченных в общественную дискуссию, но с другой, это пространство публичного высказывания не дает в полной мере разглядеть дискурс наиболее «молодых» акторов, голос которых стал звучать громче только в последние годы и обладает большей силой именно в новых медиа – социальных сетях, что является заделом для исследования дискурсов, формирующихся в этом публичном поле.

Выражение признательности

Публикация подготовлена в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» № 21–04–071 «Факторы школьной инклюзии детей с инвалидностью в постсоветских странах: роль социального капитала».

Материалы для анализа

ВЦИОМ (2018) *Сексуальное просвещение молодежи: как, когда и зачем?* Доступно по ссылке: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/seksualnoe-prosveshhenie-molodezhi-kak-kogda-i-zachem> (дата обращения: 30 января 2023).

Взгляд.ру (2012) *Между развратом и воспитанием*. Доступно по ссылке: <http://vz.ru/society/2012/10/18/603126.html> (дата обращения: 30 мая 2023).

Комсомольская правда (2001) *Растлевать? Только если мама разрешит!* Архив.

Комсомольская правда (2011) *Почему в ижевских школах не говорят о сексе, и нужно ли об этом молчать*. Доступно по ссылке: <https://www.izh.kp.ru/daily/25801/2782569/> (дата обращения: 30 мая 2023).

Независимая газета (2010) *Поздние аборт – вне закона*. Доступно по ссылке: https://www.ng.ru/health/2010-10-19/8_abort.html (дата обращения: 30 мая 2023).

Православный портал «Москва – Третий Рим» (2013) *Половое воспитание Лаховой. Аналитическая записка*. Доступно по ссылке: <https://3rm.info/publications/34237-polovoe-voospitanie-lahovoy-analiticheskaya-zapiska.html> (дата обращения: 30 мая 2023).

Радио Комсомольская правда (2013) *Кто должен говорить с детьми о сексе: родители или школа*. Доступно по ссылке: <https://www.kp.ru/daily/26511/3449661/> (дата обращения: 30 мая 2023).

Распоряжение Правительства РФ (2014) *Об утверждении Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года*, 25.08.2014.

РБК Daily (2006) *Половое воспитание поручат родителям*. Архив.

Религия и СМИ (2007) *«Планирование семьи» – система снижения рождаемости*. Архив.

Родная газета (2004) *Секс-просвет*. Архив.

Русский вестник (2003) *Толкачи секспросвета*. Архив.

Советская Россия (2003) *Вырождение по заказу. На уроке... разврата*. Архив.

Указ Президента РФ (1994) О президентской программе «Дети России», № 1696 от 18.08.1994.

Федеральный закон (2010) О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, № 436-ФЗ от 29.12.2010.

Филантроп (2012) *Сексуальное невоспитание*. Доступно по ссылке: <https://philanthropy.ru/analysis/2012/01/11/6909/> (дата обращения: 30 мая 2023).

Эхо Москвы (2013) *Родительское собрание*. Архив.

NTV.ru (2005) *Русская православная церковь отрицает, что подавляет сексуальность*. Архив.

Sexual Rights Initiative (2006) *Sexual Rights*. Available at: <https://www.sexualrightsinitiative.org/ru/seksualnye-prava> (accessed 30 January 2023).

UNESCO (2018) *International Technical Guidance on Sexuality Education: An Evidence-Informed Approach*. UNESCO Publishing.

WHO Europe (2010) *Standards for Sexuality in Europe. A Framework for Policy Makers, Educational and Health Authorities and Specialists*. Cologne: WHO Europe and Federal Centre for Health Education BZgA.

Список источников

- Атемасов А. В. (2011) Сексуальное образование в России. В поисках решения проблемы. *Философские науки*, (7): 83–89.
- Бауман З. (2005) *Индивидуализированное общество*. Москва: Логос.
- Журавлева И. В. (2004) Репродуктивное здоровье подростков и проблемы полового просвещения. *Социологические исследования*, (7): 133–142.
- Здравомыслова О. (2016) «Гендер и власть»: читая книгу Рейвин Коннелл в России. *Социологическое обозрение*, 15 (3): 213–222.
- Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. (2003) Государственное конструирование гендера в советском обществе. *Журнал исследований социальной политики*, 1 (3–4): 299–321.
- Калабихина И. Е. (2011) Гендерный переход и качество жизни. *Уровень жизни населения регионов России*, (8): 42–48.
- Кон И. (2009) Сексуальное образование – глобальная задача XXI века. *Социология: теория, методы, маркетинг*, (1): 94–114.
- Кузьмина Ю. В. (2020) Публичные высказывания о сексуальном образовании в российских медиа. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23 (3): 122–152.
- Омельченко Е. (2000) Тело–друг человека? Провинциальная молодежь после сексуальной и накануне гендерной революции. *Рубеж*, (15): 141–167.
- Савинская О. (2023) Качественный контент-анализ: возможности, методика, процедуры. Е. В. Полухина (ред.) *Практики анализа качественных данных в социальных науках*. Москва: НИУ ВШЭ: 99–117.
- Тартаковская И. Н. (1995) Э. Гидденс. Трансформации интимности. *Социологический журнал*, (4): 214–219.
- Травкова М. Р. (2018) Родители как агенты неформального сексобразования: что делать? *Психология и психотерапия семьи*, (3): 18–29.
- Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население*. Санкт-Петербург: Наука.
- Buston K., Wight D., Scott S. M. (2001) Difficulty and Diversity: The Context and Practice of Sex Education. *British Journal of Sociology of Education*, (22): 353–368.
- Connell R. (2013) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. John Wiley & Sons.
- Connell R. W., Dowsett G. W. (eds.) (1992) *Rethinking Sex: Social Theory and Sexuality Research*. Philadelphia: Temple University Press.
- DeLamater J.D. (1987) A Sociological Approach (Cultural Scenarios and Sexual Desire). In: J. H. Geer & W.T. O'Donohue (eds.) *Theories of Human Sexuality*. New York: Plenum: 237–255.
- De Luca Barrusse V., Praz A. F. (2015) The Emergence of Sex Education: A Franco-Swiss Comparison, 1900–1930. *Journal of the History of Sexuality*, 24 (1): 46–74.

- Fábián K., Bekiesza-Korolczuk E. (2017) *Rebellious Parents: Parental Movements in Central-Eastern Europe and Russia*. Indiana University Press.
- Fields J. (2008) *Risky Lessons: Sex Education and Social Inequality*. Rutgers University Press.
- Gevorgyan R. R., Schmidt E., Wall M., Garnet, G.P., Atun R. A., Maksimova S. G., Davidenko L. A., Renton A. M. (2011) Does Russia Need Sex Education? The Views of Stakeholders in Three Russian Regions. *Sex Education*, (11): 213–226.
- Haug F. (1999) *Female Sexualization: A Collective Work of Memory* (25). Verso.
- Herd G. (2004) Sexual Development, Social Oppression, and Local Culture. *Sexuality Research & Social Policy*, (1): 39–62.
- Kendall N. (2012) *The Sex Education Debates*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lipton M. (2014) *Sex Education and Contraceptive Acceptance: From the Soviet Union to Russia*. Doctoral dissertation, University of Oregon.
- Meylakh P. (2011) Dangerous Knowledge vs. Dangerous Ignorance: Risk Narratives on Sex Education in the Russian Press. *Health, Risk & Society*, (13): 239–254.
- Miller A. M. (2000) Sexual but not Reproductive: Exploring the Junction and Disjunction of Sexual and Reproductive Rights. *Health and Human Rights*, 4 (2): 68–109.
- Millett K. (2016) *Sexual Politics*. Second Ed. Columbia University Press.
- Parker R. (2009) Sexuality, Culture and Society: Shifting Paradigms in Sexuality Research. *Culture, Health & Sexuality*, 11 (3): 251–266.
- Parker R., Barbosa R. M., Aggleton P. (eds.) (2000) *Framing the Sexual Subject: The Politics of Gender, Sexuality, and Power*. Univ of California Press.
- Parker R., Di Mauro D., Filiano B., Garcia J., Munoz-Laboy M., Sember R. (2004) Global Transformations and Intimate Relations in the 21st Century: Social Science Research on Sexuality and the Emergence of Sexual Health and Sexual Rights Frameworks. *Annual Review of Sex Research*, 15 (1): 362–398.
- Schaalma H. P., Abraham C., Gillmore M. R., Kok G. (2004) Sex Education as Health Promotion: What Does It Take? *Archives of Sexual Behavior*, (33): 259–269.
- Shapiro B. (2001) School-based Sex Education in Russia: The Current Reality and Prospects. *Sex Education*, (1): 87–96.
- Singh S., Bankole A., Woog V. (2005) Evaluating the Need for Sex Education in Developing Countries: Sexual Behaviour, Knowledge of Preventing Sexually Transmitted Infections/Hiv and Unplanned Pregnancy. *Sex Education*, 5 (4): 307–331.
- Sprecher S., Harris G., Meyers A. (2008) Perceptions of Sources of Sex Education and Targets of Sex Communication: Sociodemographic and Cohort Effects. *The Journal of Sex Research*, 45 (1): 17–26.

REPRESENTATION OF INSTITUTIONAL ATTITUDES TOWARDS ADOLESCENT SEX EDUCATION IN RUSSIAN MEDIA

In the 20th century, many European countries and the U.S. actualized the adolescent sex education issues and launched the implementation of special training programs in the general education system, and international organizations (UNICEF, WHO, UNFPA) began to declare the need to respect sexual rights. In contemporary Russia, sex education cannot be called institutionalized: with the beginning of a conservative turn, this process was stopped. This article presents the positions of various social institutions represented in the media based on the content analysis of 172 articles. The discourse of the psychological professional community is represented through questions about 'correct' gender roles and untrained personnel. The attitudes of state representatives are shown in the media as an expression of concern and a requirement to take into account the specifics of Russian culture. The positions of school principals and teachers are presented in the public field through their unpreparedness for the additional workload and the requirement to build trust between adolescents and adults in the context of the implementation of sex education. The representation of the family discourse is determined by several positions: the need for specialists and uncertainty in their knowledge, the concern that adolescents are faced with unverified information on the Internet, as well as the fear of encountering propaganda of early sexual debut. Parents' committees are presented in the public field, on the one hand, as fighting against sex education programs and, on the other hand, as considering such education as a tool for promoting abstinence and moral education. The church's discourse is driven by notions of 'normal sexuality,' the opposition of Russian values to Western values, and the promotion of moral and family values. The representation of the attitudes of the pedagogical community reveals both concern about the organization and content of sex education programs, and focus on the threats to personal development and the destruction of traditional values. As a result, the way the positions of various social institutions are presented in the media may indicate the existence of discursive contradictions within the institutions of the family, church, psychological and pedagogical communities, and the community of parental committees. The attitudes expressed in the public field illustrate how discourses of denial and approval are formed regarding the issues of adolescent sex education. They also show a diversity of positions that cannot be reduced to two homogeneous opposing poles.

Key words: sex education, media discourse, content analysis

DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-293-310

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University, grant № 21–04–071, title: 'School Inclusion Factors for Children with Disabilities in Post-Soviet Countries: The Role of Social Capital.'

References

- Atemasov A. V. (2011) Seksual'noe obrazovanie v Rossii. V poiskakh resheniya problem [Sexual Education in Russia]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], (7): 83–89.
- Bauman Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow: Logos.
- Buston K., Wight D., Scott S. M. (2001) Difficulty and Diversity: The Context and Practice of Sex Education. *British Journal of Sociology of Education*, (22): 353–368.
- Connell R. (2013) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. John Wiley & Sons.
- Connell R. W., Dowsett G. W. (eds.) (1992) *Rethinking Sex: Social Theory and Sexuality Research*. Philadelphia: Temple University Press.
- DeLamater J.D. (1987) A Sociological Approach (Cultural Scenarios and Sexual Desire). In: J. H. Geer & W.T. O'Donohue (eds.) *Theories of Human Sexuality*. New York: Plenum: 237–255.
- De Luca Barrusse V., Praz A. F. (2015) The Emergence of Sex Education: A Franco-Swiss Comparison, 1900–1930. *Journal of the History of Sexuality*, 24 (1): 46–74.
- Fábián K., Bekiesza-Korolczuk E. (2017) *Rebellious Parents: Parental Movements in Central-Eastern Europe and Russia*. Indiana University Press.
- Fields J. (2008) *Risky Lessons: Sex Education and Social Inequality*. Rutgers University Press.
- Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territoriya, naselenie* [Security, Territory, Population]. Saint-Petersburg: Nauka.
- Gevorgyan R. R., Schmidt E., Wall M., Garnet, G.P., Atun R. A., Maksimova S. G., Davidenko L. A., Renton A. M. (2011) Does Russia Need Sex Education? The Views of Stakeholders in Three Russian Regions. *Sex Education*, (11): 213–226.
- Haug F. (1999) *Female Sexualization: A Collective Work of Memory* (25). Verso.
- Herdt G. (2004) Sexual Development, Social Oppression, and Local Culture. *Sexuality Research & Social Policy*, (1): 39–62.
- Kalabikhina I. E. (2011) Gendernyj perehod i kachestvo zhizni [Gender Transition and Quality of Life]. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii* [Standard of Living of the Russian Regions Population], (8): 42–48.
- Kendall N. (2012) *The Sex Education Debates*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kon I. (2009) Seksual'noe obrazovanie – global'naya zadacha XXI veka [Sexuality Education as a Global Issue of the XXIst Century]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: Theory, Methods, Marketing], (1): 94–114.
- Kuz'mina, Yu.V. (2020) Publichnye vyskazyvaniya o seksual'nom obrazovanii v rossijskikh media [Public Statements about Sex Education in Russian Media]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23 (3): 122–152.
- Lipton M. (2014) *Sex Education and Contraceptive Acceptance: From the Soviet Union to Russia*. Doctoral dissertation, University of Oregon.
- Meylakhs P. (2011) Dangerous Knowledge vs. Dangerous Ignorance: Risk Narratives on Sex Education in the Russian Press. *Health, Risk & Society*, (13): 239–254.
- Miller A. M. (2000) Sexual but not Reproductive: Exploring the Junction and Disjunction of Sexual and Reproductive Rights. *Health and Human Rights*, 4 (2): 68–109.

- Millett K. (2016) *Sexual Politics*. Second Ed. Columbia University Press.
- Omel'chenko E. (2000) Telo—drug cheloveka? Provintsial'naya molodezh' posle seksual'noy i nakanune gendernoy revolyutsii [My Body, Me Friend? Provincial Youth between the Sexual and the Gender Revolutions]. *Rubezh* [Rubezh], (15): 141–167.
- Parker R. (2009) Sexuality, Culture and Society: Shifting Paradigms in Sexuality Research. *Culture, Health & Sexuality*, 11 (3): 251–266.
- Parker R., Barbosa R. M., Aggleton P. (eds.) (2000) *Framing the Sexual Subject: The Politics of Gender, Sexuality, and Power*. Univ of California Press.
- Parker R., Di Mauro D., Filiano B., Garcia J., Munoz-Laboy M., Sember R. (2004) Global Transformations and Intimate Relations in the 21st Century: Social Science Research on Sexuality and the Emergence of Sexual Health and Sexual Rights Frameworks. *Annual Review of Sex Research*, 15 (1): 362–398.
- Savinskaya O. (2023) Kachestvennyy kontent-analiz: vozmozhnosti, metodika, protsedury [Qualitative Content Analysis: Opportunities, Methods, Procedures]. In: E. V. Polukhina (ed.) *Praktiki analiza kachestvennykh dannykh v sotsial'nykh naukakh* [Qualitative Data Analysis Practices in the Social Sciences]. Moskva: HSE University: 99–117.
- Schaalma H. P., Abraham C., Gillmore M. R., Kok G. (2004) Sex Education as Health Promotion: What Does It Take? *Archives of Sexual Behavior*, (33): 259–269.
- Shapiro B. (2001) School-based Sex Education in Russia: The Current Reality and Prospects. *Sex Education*, (1): 87–96.
- Singh S., Bankole A., Woog V. (2005) Evaluating the Need for Sex Education in Developing Countries: Sexual Behaviour, Knowledge of Preventing Sexually Transmitted Infections/Hiv and Unplanned Pregnancy. *Sex Education*, 5 (4): 307–331.
- Sprecher S., Harris G., Meyers A. (2008) Perceptions of Sources of Sex Education and Targets of Sex Communication: Sociodemographic and Cohort Effects. *The Journal of Sex Research*, 45 (1): 17–26.
- Tartakovskaya I. N. (1995) E. Giddens. Transformatsii intimnosti [A. Giddens. The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], (4): 214–219.
- Travkova M. R. (2018) Roditeli kak agenty neformal'nogo seksobrazovaniya: chto delat'? [Parents as Agents of Informal Sex Education: What to Do?]. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Family Psychology and Psychotherapy], (3): 18–29.
- Zdravomyslova O. (2016) 'Gender i vlast': chitaya knigu Reyvin Konnell v Rossii ['Gender and Power': Reading Raewyn Connell in Russia]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 15 (3): 213–222.
- Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovet'skom obshchestve [The Public Construction of Gender in Soviet Society]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 1 (3–4): 299–321.
- Zhuravleva I. V. (2004) Reproduktivnoe zdorov'e podrostkov i problemy polovogo prosveshcheniya [Adolescent Reproductive Health and Sexuality Education Issues]. *Sotsiologicheskoe issledovaniye* [Sociological Studies], (7): 133–142.